

СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ

ПРЕПОДОБНЫЙ
ЕФРЕМ
СИРИН

Отречение
от мира
✙

преподобный Ефрем Сирин

**Собрание творений.
Отречение от мира**

«Сибирская Благовонница»

2016

УДК 243
ББК 86.37-2

Сирин п.

Собрание творений. Отречение от мира / п. Сирин —
«Сибирская Благовонница», 2016

ISBN 978-5-906853-40-0

«Столп Церкви, великий отец и вселенский учитель, пророк сирийский, солнце сирийское, духовный философ и глубокий ученый, витийственные уста и цитра Святого Духа» – так возвышенно отзывается о святом преподобном Ефреме Сирине его современник, святитель Григорий Нисский. В чтении его творений с древности и до наших дней православные люди, стремящиеся к духовному преуспеянию, находили и находят обильный источник назидания. Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает издание творений сирийского подвижника. В эту книгу вошли слова и послания преподобного Ефрема, адресованные преимущественно монахам, однако они будут полезны также и мирянам, внимательно относящимся к своей духовной жизни.

УДК 243
ББК 86.37-2

ISBN 978-5-906853-40-0

© Сирин п., 2016
© Сибирская Благовонница, 2016

Содержание

Слова	6
Слово подвижническое	6
О том, что должно не смеяться и рассеиваться, но плакать и проливать о себе слезы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

преподобный Ефрем Сирин
Собрание творений. Отречение от мира

© Издательство «Сибирская Благовонница», оформление, 2016

Слова

Слово подвижническое

Горесть принуждает меня говорить, а недостойнство мое осуждает меня на молчание, и как болезни сердца насильно заставляют отверзать уста, так грехи мои неотступно требуют, чтобы оставался я безмолвным. Поскольку же с обеих сторон мне тесно, то полезнее изречь слово, чтобы получить облегчение от сердечных моих болезней, потому что душа моя скорбит и глаза мои желают слез. *Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь* (Иер. 9, 1) о язвах души моей и об ослаблении огласительного учения, какое преподается в наши дни! Как изъязвлена вся душа моя, и она не знает этого, потому что высокомерие ее не позволяет ей обратить внимание на язвы свои, чтобы уврачевать их!

Одно только есть огласительное учение, преподанное во дни отцов наших, ибо они, как светила, осияли всю землю, пожив на ней среди терний и волчцов – среди еретиков и людей нечестивых, как многоценные камни и дорогие жемчужины. По причине высокого и чистого жития их самые враги сделались их подражателями. Кто не приходил в сокрушение, видя их смиренномудрие? Или кто не изумлялся, видя их кротость и безмолвие? Какой сребролюбец, увидев их нестяжательность, не делался ненавистником мира? Какой хищник и гордец, видя честность их жизни, не изменялся в нравах и не исправлялся? Какой блудник, или оскверненный, увидев их стоящими на молитве, не оказывался вдруг целомудренным и чистым? Кто, в гневе или в раздражении встретившись с ними, не переменялся и не делался кротким? И так они здесь подвизались, а там радуются, потому что и Бог прославлялся в них, и люди от них назидались.

Наше же учение, оставив прямые пути, идет по стремнинам и местам негладким. Ибо нет человека, который бы ради Бога оставил имение и для вечной жизни отрекся от мира. Ни один не кроток, не смирен, не безмолвен. Никто не воздерживается от оскорбления, никто не терпит злословия, но все склонны к гневу, любят прекословить, все ленивы и раздражительны и заботятся о нарядных одеждах, все тщеславны и славолюбивы, все самолюбивы. Приходящий слушать огласительное учение прежде оглашения уже учит, не обучившись – дает законы, не читая еще и по складам – любомудрствует, сам не подчинившись – других себе подчиняет, не приняв приказаний – приказывает, не вняв советам других – дает свои уставы. И если стар, то с высокомерием приказывает, если молод – противоречит, если богат – тотчас требует себе чести, если беден – домогается упокоения, если ремесленник – заботится о нежности пальцев. Поэтому, возлюбленные, кто не будет плакать о нашем огласительном учении?

Отрекшись от мира, думаем мы о земном; у нас земледельцы оставили в пренебрежении землю, а почитающие себя духовными привязаны к земле. Или не знаем, братия, на что мы призваны? Не знаем, возлюбленные, ради чего мы пришли? Призваны мы к воздержанию – а вождееем изысканных яств, пришли ради наготы – а стараемся друг перед другом отличиться одеждой, призваны мы к подчинению и кротости – а противоречим с ожесточением, читая, не понимаем и, слушая, не принимаем слухом.

Если кто на дороге внезапно встретит убийство, изменяется в лице и ужасается в сердце, – а мы, читая, что апостолы умерщвлены и пророки побиты камнями, думаем, что напрасно об этом говорится. И что я говорю о пророках и апостолах? Слышим, что Сам Бог Слово за грехи наши пригвожден к древу и умерщвлен, но смеемся, предаваясь рассеянию. Солнце, не терпя поругания Владыки, изменило светлость свою на тьму, а мы не хотим выйти из тьмы нашей греховности. Завеса храма, нимало не согрешив, разодралась сама собой, – а мы не хотим, чтобы сердце наше пришло в сокрушение о грехах наших!

Земля, приходя часто в страх от лица Господня, колеблется под нами для устрашения нашего, – а мы и этого не убоялись. Города поглощены и селения опустошены гневом Божиим, – а мы и того не устрашились. Солнце не раз и не два омрачалось над нами в полдень, – а мы и этим не приведены в ужас. Воздвигнуты брани персами и варварами, опустошена наша страна, чтобы мы, убоясь Бога, пришли в раскаяние, хотя мы должны каяться не дни только или месяцы, но многие годы, – но и это нас не изменило.

Итак, покаемся, братия, чтобы в грехах своих умиловить нам Бога! Призовем Его, потому что раздражили Его; смиримся, чтобы возвеличил Он нас; будем плакать, чтобы утешил Он нас; бросим худой навик и облечемся в добродетель, как в одежду, – особенно мы, сподобившиеся этого ангельского жития!

Так, возлюбленные, примем эту меру, это прекрасное и совершенное правило отцов, до нас живших: не сегодня только воздерживайся, а завтра давай обеды, не сегодня только пей воду, а завтра домогайся вина, не сегодня только ходи необутый, а завтра ищи себе башмаков или туфель, не сегодня только носи власяницу, а завтра дорогую ткань, не сегодня только храни простоту, а завтра заботься об убранстве, не сегодня только будь кроток и смирен, а завтра высокомерен и горд, не сегодня только будь безмолвен и послушен, а завтра бесчинен и неуступчив, не сегодня только предавайся плачу и рыданию, а завтра смеху и равнодушию, не сегодня только спи на голой земле, а завтра почивай на мягком ложе. Но удержи для себя одно правило, возлюбленный, по которому мог бы ты благоугодить Богу и принести пользу себе и ближнему. Если будешь сам себя умерщвлять и живешь один, то послушай, что говорит Владыка: *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6, 31). А если по причине умерщвления плоти тебе всегда нужна услуга других, то берегись делать вред своему ближнему!

Поэтому-то совершенные отцы, утвердившись в оном правиле, начатое ими до самой кончины совершали беспрепятственно, по сорок или по пятьдесят лет не изменяли своего правила, то есть прекрасного и безукоризненного воздержания, соблюдаемого относительно пищи, языка, возлежания на голой земле, смиреномудрия, кротости, веры и любви, которая составляет узел совершенного и духовного назидания, а сверх этого нестяжательности, безмолвия от всего земного, честной жизни, неусыпности и молитвы, соединенной с плачем и сокрушением, а от смеха удерживались, не позволяя себе даже улыбки; гордость была ими поправа, гнев и раздражение, остыв, не имели в них места, золото и серебро потеряло для них всякую цену, и, одним словом, они очистили себя. Поэтому и Бог вселился и прославился в них, и те, кто их видел, и те, кто только слышал о них, прославляли Бога.

А если кто не очистит себя от всякого лукавого дела, от нечистых помыслов, от порочных желаний, от гнева, раздражительности, зависти, гордыни, тщеславия, ненависти, прекословия, клеветы, пустословия, беспечности (и к чему перечислять мне все теперь поодиночке?) – одним словом, от всего, что ненавистно Богу, и если, отвратившись, не будет держать себя вдали от этого, то не вселится в него Бог. Скажи мне: если бы кто вздумал бросить тебя в грязь, для того чтобы ты навсегда там оставался, то перенес ли бы ты это? Итак, если даже ты, червь, не согласишься терпеть этого, то как же Нескверному, Пречистому, Единому, Святому и во святых почивающему Богу можно обитать в тебе, наполненном таким зловонием?

Поэтому очистим себя, возлюбленные, чтобы Бог вселился в нас и мы сподобились обетованию Его. Не будем оскорблять святого Его имени, призванного на нас, да не хулится ради нас имя Бога нашего. Пощадим самих себя и уразумеем, что имя наше однозвучно с именем Христовым. Ему имя Христос, а мы называемся христианами. *Бог есть дух* (Ин. 4, 24) – станем и мы духовными. *А где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17) – постараемся приобрести эту свободу. Размыслим, какого жития удостоил Он нас, вразумимся, что на брак Свой призвал Он нас, возлюбим сами себя, как Он возлюбил нас, возлюбим Его, чтобы прославил Он нас. Будем внимательны к себе, чтобы в день Суда не подпасть двойному наказанию, потому что

оставили мы мир – и думаем о мирском, пренебрегли имуществом – и заботимся об имуществе, бежали плотского – и гонимся за плотским.

Боюсь, чтобы тот день не застиг нас внезапно и чтобы мы, оказавшись нагими, бедными и неготовыми, не стали упрекать сами себя. Ибо это самое было с жившими во дни Ноевы: *Ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех* (Лк. 17, 27). Дивное было дело, братия! Видели, что дикие звери собираются вместе, слоны приходят из Индии и Персии, львы и барсы толпятся с овцами и козлами и не делают им обиды, пресмыкающиеся и птицы, хотя никто их не гонит, стекаются и располагаются вокруг ковчега, – и это продолжается много дней, а сам Ной прилежно снаряжает ковчег и вопиет им: «Покайтесь!» Но они не уважили его и, глядя на необыкновенное стечение бессловесных и диких животных, не пришли в сокрушение для своего спасения. Поэтому убоимся, возлюбленные, чтобы и с нами не было того же, потому что написанное уже исполнилось, предсказанные знамения кончились, ничего не остается более, как прийти врагу нашему, антихристу, ибо всему должно исполниться до скончания Римского царства.

Итак, кто хочет спастись, – тот старайся, и кто желает войти в Царство, – тот не будь нерадив, кто хочет избавиться огня геенского, – тот подвизайся законно, кому нежелательно, чтобы бросили его червю не усы па ющему, – тот трезвись. Кто хочет быть возвышен, – тот смирайся, кто желает быть утешен, – тот плачь. Кому угодно войти в брачный чертог и возвеселиться, тот возьми светло горящий светильник и елей в сосуде. Кто ожидает, что пригласят его на этот брак, тот приобрети себе светлую одежду.

Град Царя полон веселья и радования, полон света и услаждения, и обитающим в нем вместе с вечной жизнью источает приятность. Итак, кому угодно жить в одном городе с Царем, тот ускори свое шествие, ибо день преклонился и никто не знает, что встретится на пути. Как иной путник, хотя и знает, что длинен путь, но прилег и спит до вечера, а потом, проснувшись, видит, что день уже преклонился, и едва начинает он путь, – вдруг туча, град, громы, молнии, и отовсюду беды, и он уже не в состоянии ни до ночлега дойти, ни вернуться в прежнее свое место, – так и мы будем терпеть то же самое, если вознерадим во время покаяния, потому что каждый из нас – *странник... и пришлец* (Пс. 38, 13).

Постараемся же с богатством войти в наш город и Отечество. Мы, братия, духовные купцы и ищем драгоценную жемчужину, которая есть Христос наш Спаситель, похвала и непохищаемое сокровище, поэтому с великим старанием приобретем эту жемчужину. Блажен и троекратно блажен тот, кто постарался приобрести ее, но весьма беден тот, кто вознерадел и сам приобрести общего нам Творца, и от Него быть приобретенным (см.: Мф. 13, 45–46).

Не знаете разве, братия, что мы – отростки истинной виноградной Лозы, которая есть Господь? Смотрите же, чтобы кто-либо из нас не оказался бесплодным! Ибо Отец Истины есть делатель: возделывает виноградник Свой и с любовью ухаживает за теми, которые приносят плоды, чтобы приносили еще больше плодов, а кто не приносит плодов, тех посекает и извергает вон из виноградника, чтобы пожжены были огнем. Поэтому будьте внимательны к самим себе, чтобы не оказаться бесплодными, не быть посеченными и преданными огню (см.: Ин. 15, 1–2).

Мы также – доброе семя, которое посеял Зиждитель неба и земли, Домовладыка Христос. Вот пришло уже время жатвы, и серпы в руках у жнущих – они ожидают только мановения Владыки. Итак, смотрите, чтобы не оказаться кому плевелами, не быть связанными в снопы и не гореть вечным огнем (см.: Мф. 13, 30).

Не разумеете разве, братия, что надлежит переплыть нам страшное море? Поэтому совершенные и мудрые купцы, наготове имея товар в руках своих, ждут, когда подует попутный им ветер, чтобы, переплыв море, достигнуть пристани жизни. А я, с подобными мне беспечными и рассеянными, и в мыслях своих не держа, как переплыть это море, боюсь, чтобы внезапно не подул ветер и чтобы не оказались мы неготовыми, – тогда, связав, бросят нас на корабль и будем

там оплакивать дни своей лени, видя, что другие радуются и веселятся, а мы печалимся, потому что в той пристани всякий хвалится собственным своим богатством и своей куплей.

Не знаете разве, возлюбленные, что Царь царствующих призвал нас на брак в чертог Свой? Почему же предаемся нерадению и не стараемся добыть себе светлую одежду, и ясно горящие светильники, и елей в сосудах наших? Как не подумаем, что никто не входит туда обнаженным? А если поупорствует кто войти, не имея брачной одежды, то знаете, что таковой потерпит? По приказу Царя свяжут ему руки и ноги и бросят его во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов (см.: Мф. 22, 2–14).

Боюсь, возлюбленные, чтобы плотские страсти не извергли вон из брачного чертога и нас, наряженных только снаружи. Потому что внешний наряд дает знать, где сердце наше и ум наш: убранство и изысканность одежды показывает, что, думая о земном, обнажены мы от оной славы, славолюбие служит знаком, что мы тщеславны, приятность яств показывает, что мы чревоугодники, нерадение обнаруживает, что мы ленивы, любостязательность – что не любим Христа, зависть возвещает, что нет в нас любви, омовение ног и лица означает, что мы – рабы страстей.

Язык наш проповедует то, что любит сердце, и к чему прилеплено сердце, о том твердит язык – устами обличаются тайны сердца нашего. Поскольку уста отверсты, не имеют ни дверей, ни стражи, то слово наше выходит безразлично, а со словом расхищается и сердце; уста, не соблюдающие тайн сердца, крадут помышления его, и когда оно думает, что заключено внутри, почитая себя невидимым, выставляется устами всем напоказ. Приятность, с какой оговариваем других, означает, что полны мы ненависти.

Поэтому да не приводится никто в заблуждение внешним благоговением: думая убедить внешним благоговением, человек обманывает и себя, и брата. В обращении выказывается ложность его благоговения. Если хочешь узнать сердечные помышления, обрати внимание на уста – от них узнаешь, о чем заботится и старается сердце: о земном или о небесном, о духовном или о плотском, об удовольствии или о воздержании, о многостязательности или о нестяжательности, о смиреномудрии или высокоумии, о любви или о ненависти. Из сокровищ сердца уста предлагают снеди приходящим, и то, чем занят язык, показывает, что любит сердце, – Христа или что-либо из настоящего века. И невидимая душа по телесным действиям делается видимой, какова она, добра или зла, и хотя по природе добра, но превращается в злую по свободному произволению.

Но, может быть, скажет кто-нибудь, что страсти естественны и предающиеся страстям не подлежат обвинению. Будь внимателен к себе самому, чтобы не возвести тебе обвинение на прекрасное создание Благого Бога, ибо Он сотворил все *хорошо весьма* (Быт. 1, 31) и украсил природу всеми благами. Поэтому, алчет ли кто, – не обвиняется, если вкусит умеренно, потому что взалкал по природе. Подобным образом, жаждет ли кто, – не обвиняется, если пьет в меру, потому что жажда естественна. Спит ли кто, – не обвиняется, если спит не без меры и предается сну не по изнеженности, так, чтобы привычкой к непомерному сну препобеждалась природа, потому что природа и привычка служат провозвестниками той и другой стороны: природа показывает рабство, привычка же означает произволение, а человек состоит из того и другого.

Произволение, будучи свободно, есть как бы земледельца какой, прививающий к природе нашей и худые, и добрые навыки, какие ему угодно. Худые навыки прививает следующим образом: голодом – чревоугодие, жаждой – многопитие, сном – изнеженность, воззрением – худую мысль, истиной – ложь. А подобно этому и благие добродетели прививает следующим образом: голодом – воздержание, жаждой – терпение, сном – неусыпность, ложью – истину, воззрением – целомудрие. Произволение наше, по сказанному, как земледельца, во мгновение ока искореняет худые навыки, прививает же доброе, преодолевая природу.

Природа – это земля, нами возделываемая; произволение – земледельец, а Божественные Писания – советники и учителя, обучающие нашего земледельца, какие худые навыки ему искоренять и какие благие добродетели насаждать. Сколь бы ни был наш земледельец трезвен и ревностен, однако же без учения Божественных Писаний он и не силен, и не сведущ, потому что законоположение Божественных Писаний дает ему разумение и силу, а вместе с тем от собственных ветвей своих и благие добродетели, чтобы привить их к дереву природы: веру – к неверию, надежду – к безнадёжности, любовь – к ненависти, знание – к неведению, прилежание – к нерадению, славу и похвалу – к бесславию, бессмертие – к смертности, Божество – к человечеству.

А если земледельец наш, по высокомерию своему, вздумает когда-либо оставить учителя и советника своего, то есть Божественные Писания, то начинает действовать погрешительно, отыскивает лукавые мысли, сводит вместе бессмысленные навыки и к природе прививает не свойственное ей: неверие, неведение, ненависть, зависть, гордыню, тщеславие, славолюбие, чревоугодие, любопрение, прекословие и многое другое подобное, потому что, оставляя Законодателя, и сам бывает Им оставлен.

Если же, раскаявшись, осудит сам себя, припадет к Законодателю и скажет: «Согрешил я, оставил Тебя», – то Законодатель по свойственному Ему человеколюбию немедленно примет его, подаст ему разумение и добрую силу опять снова возделывать ниву природы своей, искоренять в ней худые навыки и вместо них насаждать благие добродетели. А сверх того даст ему венцы, осыпет его похвалами. Например, по природе человек алчет – но воздерживается, жаждет – но также терпит, имеет желания – но сохраняет целомудрие, отягчен сном или одержим леностью к славословию Владыки – но, бодрствуя, сам себя принуждает к Божию песнопению, и за это увенчивается, как преодолевший природу и стяжавший добродетели.

Итак, слава Его человеколюбию, хвала Его благодати и поклонение Его благоутробию! Какой отец столь же сострадателен? Какой отец столь же милостив? Какой отец так любит, как наш Владыка, изъявляющий любовь к нам, рабам Своим? Всем снабжает, все припасает с избытком: душевные наши язвы врачует и долго терпит, оставляемый нами, хочет, чтобы все мы стали наследниками Царства Его, хочет, чтобы и произволение наше, исцеляя легкие и маловажные болезни, заслужило от Него похвалу. Тяжкие и трудные болезни врачует Сам, исцеляет язвы ленивого, отверзая уста его к славословию, и отпускает грехи грешнику, возбуждая его к усердию; скоро внемлет немощному, чтобы не малодушествовал, а великодушным и терпеливо ударяющим в двери подает и то, и другое – и исцеление, и награду. Он мог бы уврачевать все душевные наши язвы и силой преклонить нас на благодать, но не хочет этого, чтобы наше произволение не лишило нас похвал Его.

Итак, мы ли вознерадим призвать Его к себе в помощь и заступление, когда Он любит и милует нас? Он искупил нас и просветил очи ума нашего, Он даровал нам познание о Себе, дал вкусить сладости Своей, чтобы вполне взыскали мы Его. Блажен, кто вкусил любви Его и приготовил себя к непрестанному насыщению ею, потому что насытившийся такой любовью не приемлет уже в себя иной любви. Кто, возлюбленные, не возлюбит такого Владыку? Кто не исповедует и не поклонится благодати Его?

Какое же оправдание будем иметь в день Суда, если вознерадим? Или что скажем Ему? То ли, что не слышали, или не знали, или не были научены? Что надлежало Ему сделать, а Он не сделал для нас? Не сошел ли Он для нас с безмерной высоты, из благословенного недра Отчего? Он, Невидимый, не соделался ли для нас видимым? Он, огонь бессмертный, не воплотился ли нас ради? И не принял ли заушения, чтобы нас освободить?

Какое чудо, исполненное страха и трепета, – брэнная рука, созданная из земной персти, дает заушение Создавшему небо и землю! А мы, жалкие и бедные, перстные и смертные, мы, пепел, даже и слова не переносим друг от друга! Он, Бессмертный, не умер ли за нас, чтобы нас оживотворить? Не погребен ли, чтобы нас воскресить с Собой? Он освободил нас от врага,

связав его и дав нам силу наступать на него. Когда призывали мы Его и Он не услышал нас? Когда ударяли в дверь и не отверз Он нам? Если же и замедлил когда, то чтобы увеличить награду нашу.

Для чего же отрекся ты от мира, возлюбленный, если ищешь еще мирского наслаждения, вместо наготы домогаясь одежды и вместо воды – винопития? Призван ты на брань, а хочешь без оружия выйти на битву с врагом, вместо бдения погружаясь в сон, вместо плача и сетования предаваясь смеху, вместо любви разжигаясь ненавистью против брата. Призван ты к подчинению – а прекословишь. Призван к наследию Царства Божия – а думаешь о земном, вместо смиренномудрия и кротости выказывая высокомерие и гордость.

Итак, что скажешь Богу в тот день? То ли, что ради Тебя смирился я, обнищал, был наг, алкал, жаждал, возлюбил Тебя всей своей душой и ближнего, как самого себя? Разве ты уверен в том, что слова твои и помыслы твои не записываются, что совесть будет твоей помощницей и, если солжешь, не обличит тебя? Или не известно тебе, что вся тварь со страхом и с великим трепетом предстанет Судилищу Божию, что тысячи тысяч и тмы тем ангелов будут окрест Его? А ты думаешь солгать и сказать: «Все это я претерпел ради Тебя». Смотри, чтобы не понести тебе тяжкого наказания за лукавые дела свои и за ложь. Отрезвись от сна и приди сам в себя, отряси свои помыслы и смотри: преклонился уже день.

Вникни в это, брат. Тех братьев, которые вчера были и беседовали с нами, сегодня с нами уже нет: они позваны ко Господу своему и нашему, чтобы каждый из них показал свою куплю. Вот, смотрите, каков вчерашний день и каково сегодня: как вчера миновалось, подобно утреннему цветку, так и сегодня – подобно вечерней тени. Рассмотрю же и куплю свою, успешна ли она по Богу? Подобно скороходу бегут дни наши. Блажен, кто со дня на день приобретает большую прибыль от купли своей и собирает в жизнь вечную. Почему же ты не радишь, возлюбленный? Почему ленишься? Почему упиваешься унынием, как вином? Почему огорчаешься сам в себе? Разве обитель намереваешься сотворить себе в этом веке?

Представь, что два путника, каждый из которых идет к себе в дом, встретившись друг с другом на дороге, когда застиг их вечер, остановились оба в гостинице, до которой дошли, и по наступлении утра разлучились друг с другом; каждый из них знает, что у него в дому его: богатство или бедность, покой или скорбь. То же и с нами бывает в этом веке, потому что жизнь эта подобна гостинице, отходя из которой в место свое разлучаемся и знаем, что у нас впереди. Ибо каждому небезызвестно, что предпослал он на небо: например, молитву ли слезную, или чистое бдение, или сокрушенное псалмопение, или воздержание со смиренномудрием, или отречение от земного, или нелицемерную любовь и приверженность ко Христу.

Если это предпослал ты, то дерзай, потому что отходишь в покой. А если не предпослал ничего такого, то для чего в гостинице досаждаешь ближнему? Ибо наутро должен будешь разлучиться с ним. Для чего гордишься? Для чего ведешь себя высокомерно? О чем ты печален? Разве хочешь самую гостиницу унести на себе? Но для чего заботишься об исподней и верхней одежде или о пище? Дающий *скоту пищу его* (Пс. 146, 9) не питает ли тебя, который славословит Его? Ты, который готовишься сделаться наследником Царства Его, заботишься об исподней и верхней одежде? Ты, который умертил себя для мира, думаешь о земном?

Для чего же огорчаешь Врача, не желая быть исцеленным? Для чего во время врачевания своего скрываешь язвы свои и винишь Врача в том, что не исцелил тебя? Тебе дается время на покаяние, а ты не радишь о покаянии? Для чего же винишь Законодателя, что за твое пренебрежение послал на тебя смерть? Разве смерти скажешь: «Дай мне время покаяться»? Трезвись, возлюбленный, трезвись! Как сеть найдет на тебя тот час, и тогда ужас обымет ум твой, и сам себя спросишь: «Как это в рассеянности моей прошли дни мои? Как это в неуместных помыслах протекло время мое?» Но какая польза размышлять об этом во время смерти, когда уже не дозволяется тебе оставаться дольше в веке сем?

Итак, вникни умом своим в слова эти, да коснется слуха твоего сказанное Господом, если только веришь Ему, а Он сказал, что в день тот дадим ответ и о праздном слове (см.: Мф. 12, 36). И этого слова Господа достаточно, если трезвен будет ум наш. А кто не понимает написанного и не слушает читаемого, тот подобен трубе, которая принимает в себя воду и не чувствует, как вода протекает в ней.

Поэтому кто не станет плакать, кто не будет скорбеть, кто не придет в ужас от того, что Владыка вселенной и Сам, и через рабов Своих, пророков и апостолов, проповедует и вопиет, но нет послушавшихся? Что же проповедуют они? «Брак Мой готов, – говорит Он, – *что откормлено, заколото* (Мф. 22, 4). Жених со славой и великолепием восседает в брачном чертоге и с радостью принимает приходящих, дверь отверста, слуги изъясляют свое усердие. Пока не затворена дверь, спешите войти, иначе останетесь вне и некому будет ввести вас туда». И нет понимающего; никто не прилагает старания; леность и заботы века сего, подобно цепи, связали ум. Божественные Писания и списываем мы правильно, и читаем правильно, а правильно их выслушать не хотим, потому что не угодно нам исполнять то, что в них повелевается.

Кто же отправлялся в дальний путь без дорожного запаса? Разве хочется нам, оставив запас свой здесь, ничего не брать с собой в дорогу? Блажен, кто с дерзновением отошел ко Господу, неся нескудный свой запас! Вот и десять дев спят, и рабы совершают куплю в ожидании Владыки своего, зная, что приял Он Царство и идет с силой и славой многою увенчать рабов Своих, которые сотворили добрую куплю на серебро, какое получили от Него, и истребить врагов Своих, которые не хотят, чтобы Он царствовал над ними (см.: Лк. 19, 12–27).

Но как среди ночи, когда род человеческий погружен в сон, внезапно бывает с неба великий шум, и ужасные громы, и страшные молнии с землетрясением, и спящие приходят вдруг в ужас, и каждый припоминает дела свои, и добрые и худые, и поступающие худо, возлежав на ложах своих, ударяют себя в грудь, потому что некуда бежать, негде скрыться, нет времени покаяться в делах своих; земля колеблется, громы устрашают, молнии приводят в робость, глубокая тьма окружает их, – так в тот час, подобно самой быстрой молнии, внезапно ужасающей всю землю, страшно вострубит с неба труба, пробудит спящих, восставит от сна усопших от века: небеса сии и силы небесные поколеблются (Мф. 24, 29), и вся земля, как вода в море, восколеблется от лица славы Его, потому что страшный огонь предыдет перед лицом Его, очищая землю от оскверняющих ее беззаконий. Ад отверзет вечные врата свои, смерть будет упразднена, а согнившая персть естества человеческого, услышав трубный глас, оживотворяется.

Подлинно, чудное это зрелище – во мгновение ока во аде, подобно множеству рыб, клубящихся в море, бесчисленное множество костей человеческих ходят вокруг, и каждая отыскивает составы свои; все воскресшие зывают и говорят: «Слава Собравшему и Воскресившему нас по человеколюбию Своему!» Тогда праведные возрадуются и преподобные возвеселятся; совершенные подвижники утешены будут за труд подвига своего; мученики, апостолы и пророки увенчаются.

Блажен, кто сподобится увидеть в тот час, как со славой *восхищены* будут на облаках в *сретение* Бессмертному Жениху (1 Фес. 4, 17) все возлюбившие Его и старавшиеся совершить всю волю Его! Как взрастил здесь каждый крыло свое – так там воспаряет в горня, как здесь очистил каждый ум свой – так и там видит славу Его, и в какой мере возлюбил Его каждый – в такой насыщается любовью Его. Удивится в тот час и первый Адам, видя великое и страшное: как от него и супруги его произошли неисчислимые народы и множество родов, но еще больше дивясь тому, что, происшедшие от одного естества и от одной твари, иные наследуют Царство и рай, а другие – ад, и прославит он Создателя Бога: слава Единому Премудрому Богу!

Вспомнил я об оном часе, возлюбленные, и содрогнулся, помыслил об этом Страшном Суде и пришел в ужас, помыслил о веселии райском и, восстенав, предался плачу и плакал, пока не осталось уже во мне и силы долее плакать, потому что в лености и рассеянии провел я

дни свои и в нечистых помыслах изжил годы свои и не уразумел, как унеслись, не почувствовал, как протекли они; оскудели дни мои, а беззакония мои умножились.

Увы, увы, возлюбленные мои! Что мне делать от стыда в тот час, когда окружают меня знакомые мои, которые, видя меня в этом образе благочестия, ублажали меня, между тем как внутренне полон я был беззакония и нечистоты и забывал испытующего сердца и утробы Господа? Там действительный стыд, и жалок тот, кто там будет пристыжен! Щедротами Твоими заклинаю тебя, о Человеколюбивый и Благий, не поставь меня на левой стороне с преогорчившими Тебя козлищами, не скажи мне: *Не знаю тебя* (Мф. 25, 12), но по благоутробию Своему дай мне непрестанные слезы, дай сокрушение и смирение сердцу моему и очисти его, чтобы оно соделалось храмом святой благодати Твоей! Ибо хотя я грешен и злочестив, однако же непрестанно ударяю в дверь Твою; хотя я ленив и нерадив, однако же вступил, по крайней мере, на путь Твой.

Умоляю единомыслие ваше, возлюбленные мои братия! Постарайтесь благоугождать Богу, пока есть время, плачьте перед Ним день и ночь в молитве и псалмопении вашем, чтобы избавил Он нас от нескончаемого плача, и от скрежета зубов, и от огня геенского, и от червя неусыпающего и чтобы исполнил нас радостью в Царстве Своем, в жизни вечной, откуда бежали печаль, болезнь и воздыхание, где не нужно ни слез, ни покаяния, где нет ни страха, ни трепета, где нет тления, где нет ни противника, ни нападающего, где нет ни огорчения, ни гнева, где нет ни ненависти, ни вражды, но где всегда радость, и веселье, и восторг, и трапеза, исполненная духовных снедей, какую уготовил Бог любящим Его. Блажен, кто сподобится ее, и жалок тот, кто лишится ее!

Умоляю вас, возлюбленные, излейте на меня сердца свои и помолитесь о мне, припадая к Благому, и Человеколюбивому, и Единородному Сыну Божию, чтобы сотворил со мной милость Свою и избавил меня от множества беззаконий моих и вселил меня в кругу селений ваших, в ограде благословенного рая, где был бы я в соседстве с вами, наследниками Его! Поскольку вы – чада возлюбленные, а я презренный пес, то бросьте мне крупниц от трапезы вашей, чтобы исполнилось на мне написанное: *И псы едят крохи, которые падают со стола господ их* (Мф. 15, 27).

Итак, возлюбленные, излейте за меня молитвы свои, и вместе приложим старание о жизни нашей, ибо все преходит, как тень. Возненавидим мир, и что в мире, и плотское попечение и не будем иметь иного попечения, как только о спасении своем, как и Господь наш сказал: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26).

Мы – духовные купцы, братия, и подобны купцам мирским. Купец каждый день высчитывает прибыль и убыток и, если потерпел убыток, прилагает старание и заботится, как бы вознаградить потерю. Так и ты, возлюбленный, каждый день, и вечером и утром, тщательно размысли, до чего доведена купля твоя. И вечером, войдя в храмину сердца своего, обдумай все и спроси сам себя: «Не прогневал ли я чем-нибудь Бога? Не сказал ли праздного слова? Не был ли беспечен? Не огорчил ли брата моего? Не оговорил ли кого? И когда пел устами псалмы, тогда ум мой не мечтал ли о чем мирском? Не возрождалось ли во мне плотское желание и не с удовольствием ли занимался я им? Не уступил ли я победу над собой земным заботам?» Если потерпел ты от этого ущерб, то постарайся приобрести утраченное; воздыхай, плачь, чтобы опять не впасть в то же.

А утром опять займись с самим собой и спроси: «Как прошла эта ночь? Получил ли я какую прибыль в ночи от купли своей? Бодрствовал ли ум мой вместе с телом? Лились ли слезы из очей моих? Не был ли отягчен я сном во время коленопреклонения? Не приходили ли мне на ум лукавые помыслы и не занимался ли я ими с приятностью?» Если ты был побежден этим, то постарайся исцелиться, приставь стража к сердцу своему, чтобы не потерпеть опять

ущерба. Если так будешь попечителен, то сохранишь в целости куплю свою и таким образом соделаешься благоугодным Господу своему и принесешь себе пользу.

Будь же внимателен к себе, чтобы не вдаться тебе когда-либо в леность, потому что преобладание лености – начало гибели. Подражай пчеле и всмотришься в дивную ее тайну, как с рассеянных по земле цветов собирает она свое произведение. Приинки мыслью своей к этой ничтожной твари. Если собрать всех мудрецов земли, всех философов во вселенной, то и они не в силах будут сделать понятной мудрость ее, с которой из цветов она созидает гробы, погребает в них свои порождения, а потом, оживотворив их, подобно военачальнику подает им знак своим голосом, и они единодушно слушаются ее голоса и вылетают, вылетев же, принимаются за работу и наполняют те же гробы снедами, приготовленными из самой сладости. Видя труды ее, всякий разумный человек прославляет Создателя Бога, изум ляясь, что от такой малой твари исходит столько мудрости.

Подобно этому и ты, возлюбленный мой, будь как пчела и из Божественных Писаний собери себе богатство и некрадмое сокровище и предпошли оное в небо. И земные князья, когда пожелает кто из них идти в дальнюю сторону, посылают вперед себя служителей с богатством своим, чтобы, придя на готовый покой, остановиться там. Так и ты, возлюбленный, предпошли богатство свое в небо, чтобы приняли тебя в обители святых. Не будь нерадив в продолжение этого краткого времени, чтобы не каяться нескончаемые веки.

Не слышишь разве, что говорит Господь нам: *В мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). И еще сказал Он: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19). А если по изнеженности и лености своей желаешь ты избежать скорбей века сего и терпения, возделеешь же плотского удовольствия, то для чего в изнеженности своей о прекрасном и добром иге Христовом отзываешься худо, будто бы оно мучительно, тяжело и неудобно? Сам себя отдаешь ты на гибель – кто же тебя помилует? Сам себя убиваешь – кто же над тобой сжалится? Взяв оружия Христовы, должно тебе было сражаться с врагом, а ты в собственное сердце свое вонзил меч. Если в этой жизни хвалишься, то суетна надежда твоя и напрасно ожидание твое.

О чем уста твои молятся Богу? Чего просишь у Него? Упокоения ли в этом веке или бессмертной и нестареющей жизни? Если домогаешься этого временного и непостоянного, то лучше тебя вор и блудник: они молятся о том, чтобы спастись, и ублажают тебя, тогда как ты лживо проходишь это прекрасное житие, потому что, возненавидев свет, возлюбил ты тьму, оставив Небесное Царство, возжелал земного и временного.

Или убоился ты, несчастный, что Благой и Человеколюбивый Бог отвергнет труды твои? Но Сам Он и благодать Его подают на них силы тебе, Сам Он сокрушает сердце твое и Сам дает тебе награду. Все от Него, а ты гордишься! Плату наемника взыскивает Он с тех, которые лишают Его оной, ужели лишит тебя награды за слезы твои? Да не будет этого! Сказавший: *Ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7, 7) делается ли лжецом? Никогда. Отойди, несчастный! Кто пожелал тебе зла? Кто позавидовал тебе? Соперник, или ненавистник добра. У него все старание о том, чтобы ни один человек не спасся.

Итак, приди в себя и не питай ненависти к душе своей. Открой очи ума своего и посмотри на живущих с тобой: как они подвизаются, как прилагают старание. И светильники их при них, и уста их воспевают и славословят Бессмертного Жениха, очи их созерцают красоту Его, и душа их цветет и восторгается. Всмотришься! Жених приближается и не медлит, потому что идет внезапно возвеселить ожидающих Его. Раздается глас: *Вот, Жених идет* (Мф. 25, 6), и те, которые вместе с тобой, пойдут с радостью, имея ясно горящие светильники свои и светлую одежду, и услышат голос Жениха, Который скажет: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34).

И как скоро раздастся голос, скажешь ты им: «Дайте мне, братия мои, немного елея, ибо вот, светильник мой гаснет», но услышишь от них: *Чтобы не случилось недостатка и у нас и у тебя, иди к продающим и купи* (Мф. 25, 9); ты пойдешь, раскаиваясь, и не найдешь, где купить,

потому что вся земля, как вода в море, колеблется от славы Его. И тогда, рыдая, скажешь: «Пойду, ударю в дверь, кто знает, может быть, и отверзнут мне». И приходишь и ударяешь, и никто не отвечает; ты все ждешь и еще ударяешь, и отвечают тебе изнутри так: *«Истинно говорю тебе, не знаю, кто ты (Мф. 25, 12), отойди от Меня, делатель беззакония»*.

Когда же будешь стоять там, дойдет до слуха твоего глас веселия и радования, и узнаешь ты голос каждого из товарищей своих и, вздохнув, скажешь: «Увы, увy мне, несчастному! Как лишился я такой славы братий моих, лишился сообщества товарищей моих? Все время жизни проводил я с ними, а теперь разлучен. Справедливо потерпел я! Они были воздержны – а я был беспечен, они пели псалмы – а я парил умом и молчал, они были усердны к коленопреклонениям – а я почивал, они молились – а я носился умом туда и сюда, они смирляли себя – а я гордился, они ставили себя ни во что – а я любовался собой. Потому они теперь веселятся – а я сетую, они восхищаются – а я плачу!»

Итак, отрезвись хотя бы немного, несчастный, и помысли о беспредельном Его человеколюбии и не будь нерадив о своем спасении. Взыщи Его, и Он приблизится к тебе во спасение, призови Его, и защитит тебя, дай Ему, чтобы получить сторицей. Если неодушевленная бумага, вопия посредством писем, возвращает означенные на ней долги, то тем более Благой Бог даст благодать ищущим Его. Бумага посредством писем прибавляет рост к росту – и сокровище благодати Божией умножает мзду молитв и прошений наших. Итак, не будь ленив, не позволяй возобладать тобой заботе о земном и не вдавайся в отчаяние. Бог по благоутробию Своему приемлет и защищает тебя, а равно и всех, от всего сердца ищущих Его.

Безбоязненно к Нему приступи, припади, вздохни, восплачь и скажи Ему: «Господь мой, Спаситель мой! Почему Ты оставил меня? Умилосердись надо мною, потому что Ты один человеколюбив, спаси меня, грешного, потому что Ты один безгрешен, укрой меня от тины беззаконий моих, чтобы не погрязнуть мне на веки веков, избавь меня от уст врага, ибо вот, он *ходит, как рыкающий лев*, и хочет поглотить меня (1 Пет. 5, 8). *Воздвигни силу Твою, и приди спасти меня* (Пс. 79, 3), *блесни Твоей молниею, и рассей силу его* (Пс. 143, 6), чтобы убоился и рассеялся от лица Твоего, потому что нет у него сил устоять перед Тобой и перед лицом любящих Тебя! Как скоро видит знамения благодати Твоей, приходит в страх от Тебя и, пристыженный, удаляется от них. И ныне, Владыка, спаси меня, потому что я к Тебе прибегаю!» Если так будешь молиться Ему и призывать Его от всего сердца, тотчас, как добрый и сердобольный Отец, пошлет благодать Свою в помощь тебе и исполнит все хотения твои.

Приступи же, возлюбленный мой, не будь нерадив, не смотри на меня, ленивого: для меня, который говорит – и не делает, увещевает – и не понимает, достаточно и того стыда, каким покрыто лицо мое. А ты будь подражателем совершенных и духовных отцов и следуй их правилу. Не берись как за самое высокое, сверх меры, что не в силах ты совершить, так и за самое маловажное, – чтобы увеличилась награда твоя.

Не упитывай тела своего, – чтобы не воздвигло на тебя брани, не приучай его к плотским удовольствиям, – чтобы не обратилось в тягость душе твоей и не низвело ее в преисподняя земли. Ибо если отдаешь себя на то, чтобы исполнять похоти ее, оставляет она пути прямые, идет по стремнинам, удобно принимает в себя всякий нечистый помысел и не соблюдает уже целомудрия. И опять, если сверх меры будешь утруждать тело, то и в этом случае обращается оно в тягость душе, которой овладевают робость и уныние, и делается она раздражительной и ленивой к песнословию, и к молитве, и к благому послушанию. Поэтому, держась прекрасной меры и веса, управляй собой.

Скажи мне, не бывал ли ты когда-либо зрителем на конском ристалище? Не видел ли когда ладьи на море? Если погонит кто коней без меры, то падают они от одного внезапного шума. И если опять дать им полную свободу, то свергнут возницу и повлекут за собой. Подобно и ладья на море: если нагружена сверх того, что может поднять, заливается волнами и тонет, если же облегчается и плывет без груза, то удобно опрокидывается ветром. Так душа и тело:

если обременяют их сверх меры, с ними случается то же самое. Поэтому прекрасное дело – начать и совершить, благоугодить Богу и быть полезным себе и ближнему.

Благословенное стадо Христово, светила вселенной и соль земли – вы, совершенные подвижники, возлюбившие ангельское житие на земле. Подвиг ваш временный, а воздаяние и похвала вечные, труд ваш краток, а упокоение и совершенство нестареющие. Но с каким усердием подвизаетесь вы, преуспевая в добродетели, в такой мере враг ваш воспламеняется неистовством, скрытно ставя вам различные сети. Поэтому берегитесь засад его. Ибо без подвига никто не увенчивается, но и благодать Божия не оставляет того, кто усердно сражается и подвизается.

Если же кто, доведя себя до расслабления, поленится раскрыть уста свои и призвать на помощь благодать, то пусть он винит себя, а не благодать, что она не помогает ему. Представь человека, у которого здоровые руки и перед которым лежит множество яств, но он ленится протянуть руки и насытиться лежащими перед ним благами, – таков же и монах, который опытно знает благодать, но не хочет призвать ее и исполниться сней радости ее.

Монах подобен воину, идущему на брань, который отовсюду ограждает тело свое полным вооружением, трезвится до самой победы и беспокоится, чтобы вдруг не напал на него враг и чтобы ему, если не предпримет предосторожностей, не попасться в плен. Подобно и монах, если, приведя себя в расслабление, обленится, то удобно уловляется врагом, потому что враг влагает в него нечистые помыслы, которые принимает он с радостью (имею в виду помыслы высокоумия и тщеславия, а также зависть и клеветничество, тревоугодие и ненасытный сон), и, сверх этого, доводит его до отчаяния и до убеждения в огромности бедствий.

Если же монах всегда трезвится, то привлекает себе в помощь благодать Божию, научается Богом, как угодить Ему, делается и достойным хвалы от Бога, и хвалителем Бога. Ибо наблюдающий себя в зеркале бывает одновременно и зрителем, и зримым, – так и благодать, если найдет себе упокоение в человеке и вселится в нем, то и его прославляет, и сама им прославляется. А без помощи благодати сердце не может иметь в себе достаточных сил и исполниться умиления, чтобы надлежащим образом исповедаться Владыке, – напротив, человек бывает беден и скуден совершенствами, и поселяются в нем мерзкие и нечистые помыслы, *как филин на развалинах* (Пс. 101, 7).

Поэтому обязанность человека – призвать благодать, чтобы она, придя, просветила его; обязанность человека – очистив себя, помогать, чтобы благодать обитала в нем и помогала ему, при благодати же успеет он во всякой добродетели и, просвещенный ею, в состоянии будет уразуметь разнообразие и благолепие будущего века. Благодать делается для него стеной и укреплением и охраняет его от века сего для жизни века будущего.

Итак, преклони ухо свое, возлюбленный, и буду для тебя благим советником, если желаешь вечной жизни и убожения от Господа твоего. Скажи мне, для чего умываешь лицо свое водой? Не для того ли, чтобы понравиться ближнему своему? А из этого видно, что ты не возгнушался страстями плоти своей, но поработен ими. Если же хочешь умыть лицо свое, то умой его слезами и убели его плачем, чтобы со славой сияло перед Богом и перед святыми ангелами, потому что лицо, омываемое слезами, – неувядающая красота.

Но, может быть, скажешь мне, что стыдно иметь нечистое лицо? Знай же, что нечистота ног и лица твоего при чистом сердце светлее солнца сияет перед Богом и перед святыми силами. Для чего безрассудно смеешься? Тебе повелено плакать, а тобой владеет смех. Отчего же это? Поскольку не возжелал ты блаженства, то наказания Божии не устрашают тебя.

Наученный опытом может давать советы неопытным. Купец, который попадал к разбойникам, может предложить путешественникам меры безопасности. Так и я, поскольку отчасти научен опытом (говорю об этом твоему благоразумию), потому что, по слабости своей, немалое время был я в безопасности, но лень моя опять привела меня в прежнее состояние, поэтому советую вам, возлюбленное стадо Божие: опасайтесь ради плотских страстей и житей-

ского удовольствия лишиться славы Божией и сделать себя чуждыми чистого веселия и радостей брачного чертога. Ибо знаете, что труд подвижничества, как сон, скоротечен, а упокоение, каким вознаграждается труд этот, бесконечно и неописуемо.

Будь внимателен к себе, чтобы с двух сторон не понести утраты и не подвергнуться наказанию за то и другое. Напротив, старайся приобрести совершенную добродетель, украшенную всем тем, что любит Бог. Ибо, если приобретешь ее, то ни Бога никогда не оскорбишь, ни ближнему своему не сделаешь зла. Называется же она добродетелью единоличной, заключающей в себе всю красоту и все разнообразие добродетелей.

Как царская диадема не может быть сплетена без драгоценных камней и отборных жемчужин, так и эта единоличная добродетель невозможна без красоты различных добродетелей. Она вполне подобна царской диадеме. Как последняя, если недостает в ней одного камня или одной жемчужины, не может сиять на царской главе, так и единоличная добродетель, если недостает в ней одной какой-либо красоты прочих добродетелей, не называется совершенной добродетелью.

Еще подобна она дорогим снедам, которые приготовлены со всеми изысканными пряностями, но без соли. Поэтому как эти дорогие снеди не могут быть употребляемы в пищу без соли, так и эта одноличная добродетель, украшенная всей лепотой различных добродетелей, если лишена любви ко Христу и ближнему, нисколько не привлекательна.

Еще подобна она совершенному и прекрасному составу азбуки, в котором буквы отделаны и украшены, но которая вся делается не годной ни к чему, если отнята у нее хоть одна буква. Так и эта добродетель, если будет лишена одной из прочих добродетелей, вся оказывается бесполезной.

И еще подобна она большому и высоко парящему орлу, который, завидев пищу в сетях, со всей стремительностью налетает на нее, но, желая похитить добычу, зацепляется концами когтей за сеть, и от этой малости вся сила его делается связанной, и хотя все тело его свободно и находится вне сетей, однако же сила его уже, по-видимому, скована сетями. Подобным же образом и эта добродетель, если связана чем-нибудь земным, умерщвляется, изнемогает и гибнет и не в состоянии уже воспарить в высоту, потому что пригвождена к земному.

У кого нет слез, тот приходи и плачь; кто не запасся умилением, тот приди и вздохни о том, что добродетель, восшедшая на небо и достигшая самых врат Царства, не смогла войти туда. Представляю тебе, возлюбленный, пример: некоторые в бесчисленных трудах преуспели в этой добродетели и украсили ее, как царскую диадему, но, привязавшись к земному, погибли и остались вне Небесного Царства. Поэтому обрати внимание на себя самого, чтобы и тебе не впасть во что-либо подобное и, предав себя врагу, не обратить в ничто столь чудную добродетель, которую приобрел ты столькими трудами, чтобы и ты не воспрепятствовал ей войти на небо и не заставил ее стоять пристыженной перед брачным чертогом. Напротив, постарайся придать ей дерзновения, чтобы войти туда с громкими восклицаниями, радуясь и прося себе награды.

Подлинное чудо! Связанная земной заботой, как лев волосами, потому что льву подобна таковая добродетель, согнула она на земле и уничижилась. Итак, трезвьись, возлюбленный, и, состав, разорви ничтожный волос, чтобы не насмеялись над тобой, как над тем крепким¹, который ослиной челюстью во мгновение ока избил тысячи и, освободив себя, умертвил врагов; который победу свою воздал Богу, и молитва его обратила челюсть в источник, но, совершив много подобных подвигов, когда по неразумию предал себя врагам, потерей волос связал в себе страшную и весьма чудную силу (см.: Суд. 15, 14–19; 16, 19–21). Будь внимателен и ты, чтобы и тебе таковую добродетель не связать каким-либо земным несчастьем. Освободи ее от всего вредного и предпошли на небо.

¹ Имеется в виду Самсон, судья израильский.

Как иной погружается в глубину, чтобы отыскать многоценную и отличную жемчужину, и, найдя ее, всплывает на поверхность вод и, нагой, устремляется на сушу с великим богатством, так и ты обнажи себя от всех житейских нечистот, оденься же в добродетель и, украсившись ею, трезвись день и ночь, чтобы не совелик ее с тебя, потому что душу, которая имеет ее у себя, не может поколебать никакое бедствие, ни голод, ни нагота, ни уныние, ни болезнь, ни бедность, ни гонения, ни другое какое диавольское искушение. Ибо если трезвится она, то через это еще более возрастает и венчается, непрестанно преуспевая по Богу и просветляясь.

Самая смерть не в силах причинить ей зла, – напротив, по исшествии из тела ангелы приемлют ее, ликующую, на небе и приводят к Отцу света, потому что *от скорби происходит терпение* (Рим. 5, 3), а нищета и нестяжательность – это земля ее делания: с них собирает она плод правды. И болезнь не может повредить ей, потому что от нее душа одевается в силу и похваление перед Богом. Подобным образом и искушения не в силах унижить ее, потому что от них она приобретает похвалу и славу в жизнь вечную. Не может привести ее в страх гонение: из него сплетает она венец совершенный и благообразный, который и приносит с радостью Богу славы. И нагота не в состоянии покрыть ее бесчестьем, потому что из нее уготовляет она себе ризу славы.

Подобно этому и голод не может ввергнуть ее в малодушие, ибо из него готовится ей трапеза в Небесном Царстве. И жажда не в силах довести ее до уныния: из нее готовится ей веселье райское. И бедность не может приманить ее к богатству, потому что за нее наследует она убожество от Господа. А бдение и плач – венец ее совершенства, смиренномудрие и кротость – основание здания ее.

Смерть не в силах умертвить ее, и гробница не может заключить и удержать ее в себе. Самые небеса не сильны заключить врата свои перед душой добродетельной, – напротив, при виде ее отверзаются с радостью. Тымы тем и тысячи тысяч ангелов, архангелов, престолов, господств, начал и властей не могут обратиться к ней с упреком, но с радостными лицами приемлют ее и, подъяв на руках своих, приводят к Престолу славы.

Радуется о ней Отец и Сын со Святым Духом. Отец радуется о ней, потому что возлюбила Его и не любила никого кроме Него. Единородный Сын Его радуется о ней, потому что возжелала Его и никого не приобрела кроме Него. Святой Дух радуется о ней, потому что для Него сделалась храмом святым и Он вселился в ней. Радуются о ней небеса и небесные силы и единодушно припадают и прославляют Отца и Сына и Святого Духа, видя, что она украшена ангельской добродетелью во всей красоте праведности. Радуется о ней рай, потому что получила его в наследие. Слава и велелепие Единому, Благому и Человеколюбивому Богу, Который, по благодати Своей, дарует нам Царство Свое!

Исцели меня, Господи, – и исцелюсь. Единый Премудрый и Благоутробный! Умоляю благость Твою: исцели язвы души моей и просвети очи ума моего, чтобы уразуметь мне Твое Домостроительство обо мне. И поскольку обезумел ум мой, то да исправит его соль благодати Твоей!

Но что скажу Тебе, Предведущий и Испытующий сердца и утробы? Ты один ведаешь, что, как земля безводная, жаждет Тебя душа моя и желает Тебя сердце мое, потому что кто любит Тебя, того непрестанно насыщает благодать Твоя. Но как всегда внимал Ты мне, так и теперь не презри прошения моего, потому что ум мой, как пленник, ищет Тебя, единого истинного Спасителя. По этому пошли благодать Твою, чтобы, придя, удовлетворила она глад мой и утолила жажду мою. Ибо желаю и жажду Тебя – Света истины и Подателя спасения.

Дай мне просимое мною и источи в сердце мое хоть одну каплю любви Твоей, чтобы, подобно пламени, возгорелась она в сердце моем и истребила в нем терния и волчцы, то есть лукавые помыслы. Дай богато и в меру, как Богочеловек, и умножь дары Свои, как Благой Сын Благотворного Отца. Хотя я, как перстный и сын перстного, отвергал и отвергаю благодать Твою, но Ты, наполнивший каменные водоносы благословением Твоим (см.: Ин. 2, 1–11), наполни меня,

жаждущего, благодатью Твоей! Ты, пятью хлебами напिताвший пять тысяч (см.: Мф. 14, 14–21), напитай меня, голодного, безмерным богатством Твоей благодати!

Благой Человеколюбец! Если на траву, на цветы и на всякую зелень земную обильно изливается благодать Твоя во время сие, то кольми паче даруешь Ты просимое рабу Твоему, умоляющему Тебя! Ибо вот проясняется воздух, и птицы разнообразят голоса свои, воспевая славу великой премудрости Твоей. Вот вся земля облекается в ризу, испещренную цветами, сотканную без рук человеческих, веселится и празднует два праздника: один – ради сына ее, первородного Адама, потому что из нее сотворен, другой – ради Владыки своего, потому что, снизойдя, ходил по ней. Вот и море исполняется Твоей благодатью и обогащает плавающих по нему. Благодать Твоя и мне дает дерзновение говорить перед Тобой, а любовь, какую имею к Тебе, побуждает меня к этому.

Если же человекоубийца искони, началозлобный змий, приступив в это время, отверзает уста свои, то тем более рабу Твоему, который любит Тебя, отверзешь Ты уста к славе и похвале благодати Твоей. Благой Человеколюбец, принявший две лепты и похваливший произволение вдовы, прими прошение от меня, раба Твоего, возрасти молитву мою и даруй мне просимое мной, чтобы стать мне святым храмом благодати Твоей и чтобы вселилась она в меня и научила меня, как угождать ей, чтобы из гуслей моих извлекла она песнь сокрушения и веселия и как бы уздой сдерживала ум мой, а иначе, заблудившись, согрешу перед Тобой и извержен буду из этого света. Услышь меня, Гос поди, услышь и дай мне быть призванным в Царство Твое, и я, заблудший, буду возвращен, я, нечистый, очищусь, я, безумный, уцеломудрюсь, я, бесполезный, сделаюсь полезным!

Избранное Твое стадо подвижников и всех благоугодивших Тебе, ликуя в раю, ходатайствуют за меня и умоляют Тебя, Единого Человеколюбца. Сам услышь прошения их и спаси меня молитвами их! А я через них воздам Тебе славу, что внял Ты молитвам их и умилился надо мной и не презрел прошения их спасти меня.

Ты, Господи, сказал через пророка Твоего: *Открой уста твою, и Я наполню их* (Пс. 80, 11). Итак, вот открыты уста и сердце раба Твоего, исполни их благодатью Твоей, чтобы во всякое время благословлял я Тебя, Христе, Спаситель мой. Окропи сердце мое, Благой Человеколюбец, росой благодати Твоей. Как засеянная земля без посещения благодати Твоей не может воспитать растения свои, так и сердце мое без благодати Твоей не в силах изречь благоугодное Тебе и принести плод правды. Вот, дождь питает растения, и деревья увенчиваются разнообразными цветами, – так и роса благодати Твоей да просветит ум мой и да украсит его цветами умиления, смирения, любви и терпения.

И что еще скажу? Вот молитва моя немощна, беззакония мои велики и сильны, грехи мои подавляют меня, немощи мои гнетут меня, – да препобедит их благодать Твоя, Господи! Ты, открывший очи слепому, отверзи очи ума моего, чтобы непрестанно взирать мне на красоту Твою! Ты, отверзший уста подъяремному, отверзи уста мои во славу и похвалу благодати Твоей! Ты, положивший предел морю словом повеления Твоего, положи предел и сердцу моему благодатью Твоею, чтобы ни в десную, ни в шую сторону не уклонялось оно от лепоты Твоей! Ты, давший воду в пустыне народу непокорному и противоречащему, дай мне умиление и слезы очам моим, чтобы днем и ночью оплакивать мне дни жизни своей со смиренномудрием, любовью и с чистым сердцем! *Да приблизится вопль мой пред лице Твое, Господи* (Пс. 118, 169)! И даруй мне святого семени Твоего, чтобы мог я принести Тебе плоды умиления и исповедания и сказать: «Слава Давшему, что принести Ему» и поклониться Отцу и Сыну и Святому Духу во веки. Аминь.

Итак, умоляю вас, потрезвемся это краткое время и выдержим подвиг в этот одиннадцатый час (см.: Мф. 20, 9). Вечер близок. Мздовоздаятель идет со славой воздать каждому по делам его. Будьте внимательны, чтобы кто-нибудь из вас после успеха не вознерадел и не погубил безмерного воздаяния Спасителя. Монах подобен засеянной ниве, которая разрослась от

разных плодотворных дождей и рос и приносит плод веселья; достигнув же времени плодоношения, приводит земледельца в большую заботу о том, чтобы град или дикие звери не опустошили ниву. Когда же земледелец получит вознаграждение в жатве, собрав сжатые плоды в житницу, тогда радуется и веселится он, благодаря Бога.

Подобно этому и монах, пока в теле этом, должен заботиться о вечной жизни, трудясь в подвиге до последнего дня, чтобы по нерадению не сделать бесполезным всего течения жизни. Когда же, совершив течение, подобно земледельцу, плоды трудов своих перенесет на небо, тогда доставит радость и веселие ангелам.

Поэтому никто не ленись и не бойся искушений. Крепкий пусть помогает немощным, усердный утешает малодушного, трезвенный возбуждает объятого сном, постоянный подает советы непостоянному, воздержный вразумляет беспечного и бесчинного. Так, единодушно поощряя друг друга и побеждая друг за друга, постыдим сопротивного нашего врага, прославим нашего Бога и возвеселим святых ангелов и тех, которые видят нас и слышат о нас, и послужим великим назиданием о Христе, Спасителе нашем.

Ибо что полк святых ангелов, то множество монахов, ум которых всегда согласно устремлен к Богу. И что мед и соты в устах, то ответ брата ближнему, данный с любовью. Что холодная вода в жару для жаждущего, то слово утешения брату в скорби. И как иной подает руку падшему и восстанавливает его, так слово совета и истины восстанавливает душу ленивую и нерадивую. И что доброе и свежее семя в тучной земле, то благие помыслы в душе монаха. И что в здании крепкая связь, то в сердце монаха долготерпение во время псалмопения его. И что для немощного человека ноша соли, то для монаха сон и мирское попечение. Что терния и волчцы в добром семени, то нечистые помыслы в душе монаха. И что омертвление членов², хотя и врачуемое, но никогда не исцеляемое совершенно, то памятозлобие в душе монаха.

Как червь точит дерево, так вражда – сердце монаха. Как моль портит одежды, так клеветничество сквернит душу монаха. Что дерево высокое и красивое, но не имеющее плода, то монах гордый и высокомерный. Что плод, прекрасный снаружи, а гнилой внутри, то монах завистливый и недоброжелательный. Как бросивший камень в чистый источник мутит его, так ответ монаха, произнесенный с гневом, возмущает ум ближнего. Как пересадивший дерево, покрытое плодами, и плод губит, и листву на дереве сушит, так бывает и с монахом, который оставляет место свое и переходит на другое. Что здание, основанное не на камне, то монах, не имеющий терпения в скорбях.

Представь, что иной, предстоя царю и беседуя с ним, по зову подобного ему раба оставляет дивную и славную беседу с царем и начинает беседовать с рабом, – подобен ему и тот, кто разговаривает во время псалмопения. Вразумимся, возлюбленные, Кому предстоим! Как ангелы, предстоя с великим трепетом, совершают песнословие Создателю, так и мы со страхом должны предстоять во время псалмопения. Да не будет того, чтобы только предстояли тела наши, а ум мечтал!

Что ладья в волнах моря, то монах в делах житейских. Но соберем свои помыслы, чтобы иметь похвалу перед Богом нашим, претерпим искушения врага нашего, чтобы прославиться. Похвала монаху – терпение в скорбях, похвала монаху – нестяжательность, смиренномудрие и простота, прославляющие его перед Богом и ангелами. Похвала монаху – безмолвие и бдение с умилением и слезами. Похвала монаху – любить Бога от всего сердца и ближнего, как самого себя. Похвала монаху – воздержание в пище, воздержание языка, согласование слов с делами своими; похвала ему, если терпеливо пребывает на месте и не переносится туда и сюда, как сухие листья переносятся ветром.

² В оригинале здесь употребляется слово «гангрена» (γάγγραινα).

Горе мне, возлюбленные мои! Ибо стал я подобен мехам у кузнеца, которые наполняются и пустеют, ничем не пользуясь от ветра, – так и я, описывая добродетели стада Христова, сам не имею в них никакой части. Слава же величию и благодати Христовой!

Если кто из вас, братия, имеет у себя нечистые и срамные помыслы, то да не предается в нерадении отчаянию, но обратит сердце свое к Богу и, вздыхая, со слезами скажет: *«Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моей, Боже мой и Господи мой! Суди меня по правде Твоей, Господи, Боже мой»* (Пс. 34, 23–24). Я – дело рук Твоих, для чего Ты оставил меня? (Пс. 21, 2). Для чего скрываешь лице Твое от меня, забываешь смирение мое? (Пс. 43, 25). Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою (Пс. 142, 3), я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать (Пс. 68, 3). Да удержит меня рука Твоя – и не погибну!» Если так с терпением будешь призывать Его, Человеколюбец вскоре, ниспослав благодать Свою в сердце твое, утешит тебя в мучительной и трудной брани.

Итак, не будем нерадивы и не будем лениться, имея такого Милосердного Владыку. Ибо, пока мы здесь, Он милосердствует, и спасает, и прощает беззакония наши. Кто не подивится, что за кратковременные слезы, пролитые и в этот одиннадцатый час, прощает Он тысячи грехопадений и исцеляет тысячи язв наших и, исцелив, дает еще и награду за слезы. Ибо это обычно для благодати Его: по исцелении расточает Он награды.

Итак, постараемся, братия, получить исцеление, потому что здесь милует Он и ущедряет Своей благодатью, а там уже нет. Напротив, там праведный Суд, наказание и воздаяние за дела. Там милосердный Авраам оказался немилосердным и немилостивым к богачу и, молившийся за содомлян, не молит там за одного грешника, чтобы оказана была ему милость (см.: Лк. 16, 19–31).

Итак, ум наш да не будет связан земным, но постараемся стать подражателями святых отцов, не утратим жития их, чтобы не утратить славы их. Но приложим старание, чтобы и венцы получить вместе с совершенными, а если и не венцы с совершенными, то похвалу с последними. Блажен, кто подвизается, чтобы быть увенчанным с совершенными, но жалок тот, кто не получил похвалы и с последними. Блажен сподобившийся венца и наследия святых и услышавший эти слова: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34)!

Какое оправдание будем иметь, братия, если вознерадим? Человек мирской имеет еще его, может быть, как пребывающий в миру, но что скажем мы? Боюсь, чтобы те, которые хвалят нас здесь, не стали смеяться над нами там. Да не будут для нас сладостными лень и мирское попечение, чтобы не стали для нас горькими вечный огонь и червь неусыпающий! Отрезвимся несколько и будем плакать, чтобы избавиться от вечного огня.

Не верите разве слову Спасителя, что пришествие Его будет внезапно, *как молния* (Мф. 24, 27)? Побоймся, чтобы оно не застигло нас внезапно, неготовыми, и тогда без всякой пользы станем укорять себя за нерадение свое. Поверьте мне, возлюбленные, что последний уже час. Смотрите, чтобы не исполнилось на нас слово пророка: *Горе желающим дня Господня!* (Ам. 5, 18). Будьте внимательны к себе, чтобы не оказаться нам подобными тому рабу, которого господин, придя, застал пирующим, и рассек его, и подверг его *одной участи с лицемерами* (Мф. 24, 51). Напротив, не стыдясь будем прославлять Господа, чтобы избавил нас от тьмы и скрежета зубов и сподобил нас Царства Своего.

Умоляю Тебя, Христе, Спасителю мира, призри на меня и избавь от множества беззаконий моих! Отвергал я все благодеяния, какие творил Ты мне от юности моей, ибо меня, невежду и несмысленного, соделал Ты сосудом, исполненным ведения и мудрости. Умножилась на мне благодать Твоя, утолила глад мой, остудила жажду мою, просветила омраченный мой ум и собрала скитавшиеся помыслы мои. Теперь же поклоняюсь и молю неизреченное человеколюбие Твое, исповедуя немощь свою: ослабь волны его и соблюди его для меня в тот день и не прогневайся на меня, Всеблагой, что, не терпя потоков его, осмелился я поступать

дерзновенно. Ты – Образ Отца и Сияние неизреченной славы, ослабь его для меня, потому что, как огонь, жжет оно утробу мою и сердце мое, – но там даруй мне его и спаси меня в Царстве Твоем, в пришествие Твое сотворив у меня с благословенным Отцом обитель благодати Твоей.

Ей, Христе, единый Податель жизни! Даруй мне просимое мной, сокрой беззакония мои от знакомых моих, вспомняв о слезах моих, которые проливал я перед святыми мучениками Твоими, чтобы привлечь мне к себе милосердие в страшный тот час и укрыться под крылами благодати Твоей. Ей, Владыко! На мне, грешном, покажи неизреченное человеколюбие Твое и соделай меня причастником того разбойника, который за одно слово стал наследником рая. Введи меня туда, и увижу, где скрылся Адам, и воздам славу человеколюбию Твоему, что внял Ты слезам моим и истребил все беззакония мои.

Положи слезы мои перед Тобою, Господи, по обетованию Твоему, чтобы постыдился враг мой, увидев меня на месте жизни, какое уготовили мне щедроты Твои, и чтобы покрылся он тьмой, не увидев меня на том месте, какое уготовлял мне Ты за грехи мои. Ей, Владыко, единый Безгрешный и Человеколюбивый, излей на меня неизреченную благодать Твою, даруй мне и всем, любящим Тебя, поклониться славе Твоей в Царстве Твоем и в веселии сказать лепоте Твоей: слава Отцу, сотворившему нас, и слава Сыну, спасшему нас, и слава Всесвятому Духу, обновившему нас, во все веки веков! Аминь.

О том, что должно не смеяться и рассеиваться, но плакать и проливать о себе слезы

Начало духовного развращения в монахе – смех и вольность. Когда увидишь в себе это, монах, тогда знай, что пришел ты в глубину зол. Не переставай молить Бога, чтобы избавил тебя от этой смерти. Смех и вольность монахов, – не только юных, но и старцев, – ввергают в постыдные страсти. Смех и вольность низлагают монаха. О вольности сказал некто из святых: «Вольность подобна знойному ветру; она губит плоды монаха».

Слушай же теперь о смехе. Смех удаляет от нас убажение, обещанное плачущим (см.: Мф. 5, 4), и разоряет построенное. Смех оскорбляет Духа Святого, не пользует душу, растлевает тело. Смех изгоняет добродетели, не имеет памятования о смерти, помышления о мучениях.

Отними у меня, Господи, смех, и даруй мне плач и рыдание, которых требуешь Ты, Боже, от меня. Начало плача – познание себя самого. Да будет плач наш не по человеку и не для того, чтобы видели то люди, но по Богу, Который знает сокровенное сердца, чтобы от Него получить нам убажение. Потому будем лицом светлы, будем радоваться на дары Господни о Духе Святом; станем же плакать и сетовать мысленно, умоляя Бога, да сохранит нас от всякого вида лукавства, не лишит нас Небесного Царства и благ, какие уготовал Он благоугождающим Ему. Плач созидает и охраняет, плач отирает слезами душу и делает ее чистой. Плач рождает целомудрие, отсекает прихоти, совершенствует добродетели. Что еще сказать? Плач убажается Богом, приемлет утешение от ангелов. Потому-то сказал некто из учеников Господних: *Смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль. Смиритесь пред Господом, и вознесет вас* (Иак. 4, 9–10).

Что ж делать мне, грешному, который не плачет и не проливает о себе слез с сокрушением? Ибо говорю, а не делаю. Увы мне, как я небрежен! Увы мне, как я нерадив о своем спасении! Увы мне, потому что грешу с ведением! Знаю, когда делаю худое, и не уклоняюсь от зла. Увы мне, потому что не имею оправдания! По словам причисляюсь к стоящим одесную, а по делам стою ошуюю. Тебе, Господи, единому Благому и Непамязлобивому, исповедую грех свой. Если бы и умолчал я, Ты, Господи, знаешь все, и ничто не сокрыто перед очами Твоими. Но поскольку Ты, Господи, сказал через пророка: *Припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26), – то скажу: *Согрешил я, Господи, согрешил, и недостойн взирать и смотреть на высоту небесную от множества неправд моих* (2 Пар. 36, 23)³, – потому что для краткого удовольствия пренебрег вечным огнем и не возжелал Царства Твоего. Что же делать мне, беднейшему из людей? Буду плакать о себе день и ночь, пока есть время для принятия слез. Даруй мне слезы сокрушения, Господи, Единый Благий и Милостивый, чтобы в слезах испросить мне у Тебя очищение от сердечной скверны. Увы, что мне делать с геенной огненной и с тьмой кромешной, где плач и скрежет зубов? Увы, что мне делать с тартаром и с нескончаемой мукой, с ядовитым и неусыпающим червем? *Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь* (Иер. 9, 1), чтобы умиловить мне Бога, Которого прогневал я!

Согрешила ты, душа моя! Покайся. Ибо дни наши проходят, как тень. Еще немного, и пойдешь ты отсюда; страшными местами проходить будешь, душа моя; не отлагай день за днем обращения своего ко Господу. Увы мне, душа моя! Нечистыми делами отгнала ты от себя милость Божию. Не давай себе покоя, да не останется в бездействии зеница очей твоих; припадай к Благому и Человеколюбивому, чтобы даны были тебе с высоты благодать и милость.

³ Имеется в виду молитва Манассии, царя иудейского, когда он был в плену в Вавилоне. Эта молитва переведена с греческого языка, в еврейском тексте Библии ее нет.

Страшными и ужасными местами в скором времени будем проходить мы, братия, и невозможно не идти путем этим. Никто из здешних не будет сопутствовать нам для помощи: ни родители, ни братья, ни друзья, ни род, ни богатство, ни что-либо тому подобное. Итак, не будем не радеть о добрых делах, которые найдутся во время нужды. Будем трезвиться в нынешнем веке, чтобы, по разлучении с телом, не задержали нас князья тьмы. И кто поможет нам и избавит нас из рук их? Если только в тот час окажемся обнаженными от Божия покрова, то князья тьмы будут неумолимы и немилостивы. Они ни царя не боятся, ни властителей не уважают; не чтут ни малого, ни великого, кроме только жившего в богочестии и застигнутого в добрых делах. Его лица убоятся, от него отступят со страхом, великой торопливостью, давая ему свободный путь, как написано: *Ибо благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его* (Прем. 3, 9). И еще: *Души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их* (Прем. 3, 1). *И правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я!»* (Ис. 58, 8–9); *ибо верен Обещавший* (Евр. 10, 23).

Блажен, кто окажется свободным от греха в час разлучения. Итак, не будем нерадивы, братья возлюбленные, не будем привлекать к себе чуждого, уже погибшего. Путь этот все потребляет. Когда наступит час разлучения, удовольствия увянут, роскошь и тщеславие прекратятся, богатство и любоначалие исчезнут. Когда настанет час разлучения, все это и подобное тому решится.

Представляя в уме тот час, припадаю к Твоей благодати, Господи, *не предай меня гонителям моим* (Пс. 118, 121), да враги Твои о рабе Твоем не похвалятся, Благой Господи. Скрежеща зубами и устрашая грешную душу мою, да не скажут они: «Нам достался ты в руки, нам отдан, этого-то дня и ждали мы». Нет, Господи, не воздавай мне по беззакониям моим и не отврати от меня лица Твоего. Не скажи мне: *Истинно говорю вам: не знаю вас* (Мф. 25, 12). Ты накажи меня, Господи, но по Твоим щедротам; и враг мой да не порадуетя о мне! Угаси козни его, упраздни все действия его, устрой путь мой к Тебе свободным от оскорблений и поругания. Склонись на молитву, Благой Господи, не ради правд моих, но ради щедрот Твоих и великой благодати Твоей. Спаси от смерти скорбную душу! Помяни, Благой Господи, что, и согрешив, и пораженный почти до смерти, не к иному врачу прибег я и простер руки свои, не к богу чуждому, но к Твоей благодати. Ибо Ты – Господь всяческих, имеешь власть над всяким дыханием. Ты, Господи, сказал: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7, 7).

Прежде конца моего очисти меня, Господи, от всякого греха. Не отринь моления моего, Благой Господи. Вопиют к Тебе уста недостойные, и сердце недоброе, и душа, оскверненная грехами. Услыши меня, Господи, по благодати Твоей. Ибо не отвергаешь моления истинно кающегося Тебе. Мое же покаяние не чисто по моему растлению: час каюсь, а два прогневаю Тебя. Утверди сердце мое, Благой Господи, в страхе. Поставь ноги мои на камень покаяния. Благодать Твоя, Господи, да победит мою греховность; свет благодати Твоей да преодолее тьму, которая во мне. Ты, Господи, отверзший очи слепому, отверзи потемненные очи сердца моего. Ты, очистивший прокаженных словом, очисти скверны души моей. Благодать Твоя, Господи, да будет во мне как огонь, попадающий нечистые мои помыслы. Ты един благ; Ты – Свет превыше всякого света; Ты – Радость превыше всякой радости; Ты – Покой превыше всякого покоя; Ты – Жизнь истинная. Ты – Спасение, пребывающее во веки. К Тебе, единому Благому, припадаю с молением я, достойный всякого наказания, заслуживший всякое мучение. Тебя, Икупителя, умоляю, да не вконец овладеет мною сопротивник. Но Ты, Господи, как Благой, Непамятозлобивый и Милостивый, воздвигни члены мои, расслабленные грехом, и оживотвори душу мою, умерщвленную беззаконием, и просвети сердце мое, омраченное лукавой похотью, и избавь меня от всякого дела лукавого, и вложи в меня совершенную любовь Твою, Господи Иисусе Христе, Спаситель мира; и напиши имя раба Твоего в книге жизни, даруй мне конец благодать,

чтобы, одержав победу над диаволом, непостыдно поклонился я перед Престолом Царства Твоего со всеми праведными. Тебе подобает слава во веки! Аминь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.